

*Тереза Гой, Генрих Киришбаум
Берлин—Пассау, Германия*

«ПОМНИ ОБО МНЕ»: ИОСИФ БРОДСКИЙ И ПЕТЕР ХУХЕЛЬ

Незадолго до смерти, в 1994 г., И. Бродский составил для журнала «Wilson Quarterly» подборку стихов Петера Хухеля (Peter Huchel, 1903—1981), снабдив ее кратким эссе (не переведено на русский язык) о жизни и творчестве немецкого поэта. Публикации предшествовал период двадцатилетнего знакомства и нарастающего интереса Бродского к поэзии Хухеля.

Взаимоотношения Бродского с немецкой литературой вообще и с поэзией Хухеля в частности находятся в тени исследовательских интересов. Исключение — статья Х. Хельбига, в которой дан сравнительный анализ стихотворений «Примечания папоротника» Бродского (и его английской версии) и «Ангелы» Хухеля¹. Между тем невыясненными остаются многие детали самой истории знакомства Бродского с Хухелем. Настоящая статья призвана частично восполнить этот пробел.

В 1980—1990-е гг., особенно после получения Нобелевской премии (1987), Бродский, используя свою репутацию и авторитет, проводит целенаправленную политику по реабилитации и популяризации поэзии в сознании современников. Выступая на многочисленных конференциях и литературных конгрессах, он безудержно призывает читать стихи. В США Бродский начинает кампанию по распространению американской поэзии в широких слоях населения. По его «нескромному предложению» («an immodest proposal») антологии американской поэзии должны за гроши предлагаться в супермаркетах и лежать рядом с Библией на столиках гостиничных номеров. Одним из главных этапов его просветительской деятельности стало выступление на Туринской книжной ярмарке в мае 1988 г. Бродский составил и представил публике списки лучших, по его мнению, национальных поэтов XX в. Немецким читателям он рекомендовал четыре имени: Райнера Марию Рильке, Георга Тракля, Петера Хухеля и Готфрида Бенна (6, 84).

Интерес к Рильке, стихотворение которого «Орфей. Эвридика. Гермес» Бродский назвал лучшим стихотворением XX столетия (эссе «Девяносто лет спустя»; 6, 317), был подсказан его увлечением М. Цветаевой и Б. Пастернаком². Г. Бенном Бродский заинтересовался, по всей видимости, благодаря У. Х. Одну, который

высоко ценил Бенна и переводил его на английский. Г. Тракля Бродский мог знать и оценить по англо-американским, а также и по русским переводам: никого из немецких поэтов XX в., за исключением, может быть, Бенна и Рильке, так активно не переводили в самиздате 1960—1980-х гг., как Тракля. Четвертый и наименее известный немецкий поэт в списке Бродского — П. Хухель.

Петер Хухель родился в 1903 г. в Берлине, учился в университетах Берлина, Фрейбурга и Вены, в 1920-е гг. много путешествовал по Франции, Венгрии, Румынии, Турции. С 1930 по 1933 г. работал в редакции журнала «Die literarische Welt» («Литературный мир»), до 1940 г. — на радио, с 1941 по 1945 г. служил в вермахте. В апреле 1945 г. Хухель попал в советский плен, после освобождения остался в Восточной Германии и возглавил литературный отдел берлинского радио. В 1950 г., когда поэту было уже 47 лет, вышел его первый сборник стихов. С 1948 по 1962 г. Хухель — главный редактор литературно-публицистического журнала «Sinn und Form» («Смысл и форма»), бывшего наряду с «Берлинским ансамблем» Б. Брехта культурной визитной карточкой ГДР для Запада. На волне хрущевской «оттепели», докатившейся и до ГДР, Хухель публиковал в журнале актуальную современную прозу, поэзию, эссеистику от Ж. П. Сартра, Б. Брехта и П. Целана до К. Паустовского и К. Федина, а также многочисленные рецензии и историко-литературные материалы. Для «русских» пристрастий Хухеля показательны обилие мемуарных публикаций о Л. Н. Толстом и А. П. Чехове. В 1950-е гг. Хухель дважды посетил Советский Союз: был в Москве, встречался в Ясной Поляне с последним секретарем Толстого — В. Булгаковым³, путешествовал по Армении. Жена поэта, Моника Хухель, самостоятельно освоила русский язык и переводила современную русскую прозу.

В 1962 г. гонения на современное искусство, начатые в Москве, были подхвачены гэдээровскими функционерами. Журнал не закрыли, но Хухеля сняли с поста главного редактора и поместили под домашний арест. Девять лет, живя в своем доме недалеко от Берлина, он был фактически отрезан от остального мира. На Западе за эти годы вышли две книги его стихов. В 1971 г. под давлением ПЭН-клуба Хухелю было разрешено покинуть ГДР. Умер поэт в 1981 г. в Шварцвальде.

Хухель является автором всего четырех поэтических сборников и нескольких радиопьес. На русский язык, за исключением отдельных ранних стихотворений, Хухель не переведен. Первые переводы на английский, в том числе и доступные Бродскому, последовали в 1960-е гг. Так, в петербургской библиотеке поэта находится англоязычная антология немецкой поэзии 1968 г., в которой есть два стихотворения Хухеля в прозаическом переводе⁴. Дополни-

ный интерес Бродского к Хухелю мог пробудить У. Х. Оден. В 1972 г., т.е. в год приезда Бродского в Австрию (где он сначала посетил Одена), Хухель получил Австрийскую государственную премию за вклад в европейскую литературу. Обладателем этой премии незадолго до Хухеля был Оден. По воспоминаниям Бродского («Поклониться тени»), Оден беседовал с ним о литературе, причем русский поэт больше слушал, чем говорил (5, 270). Не исключено, что Оден мог рассказать Бродскому как о самой премии, так и о немецких поэтах, столь им чтимых, в том числе и о Петере Хухеле.

Более обоснованным кажется предположение, что Бродский обратил внимание на поэзию Хухеля благодаря англо-немецкому поэту и переводчику М. Хамбургеру (Michael Hamburger). С Хамбургером Бродский познакомился через американский журнал «Poetry». В его библиотеке имеется сборник трех англоязычных поэтов, один из авторов которого — М. Хамбургер⁵. С ним Бродский встретился летом 1974 г. в Лондоне. К этому времени Хамбургер, полтора года назад познакомившийся с Хухелем, закончил книгу переводов немецкого поэта. В 1980 г. в одном из интервью Бродский, упомянув Хухеля, указал на книгу Хамбургера⁶.

В июне 1974 г. Бродский встретился с Хухелем на Международном фестивале поэзии в Роттердаме. По свидетельству Моники Хухель, встреча была теплой. Бродский подарил Хухелю бутылку виски, которую тот долго хранил⁷.

В 1989 г. после Туринской книжной ярмарки в речи перед выпускниками Дартмут-Колледжа Бродский процитировал две строчки из стихотворения Хухеля «Ангелы»: «“Помни обо мне” — шепчет пыль» — и так пояснил цитату: «Я привел эти строчки, потому что они мне нравятся, потому что я узнаю в них себя и, коли на то пошло, любой живой организм, который будет стерт с наличествующей поверхности. “Помни обо мне”, — говорит пыль. И слышится здесь намек на то, что, если мы узнаём о самих себе от времени, вероятно, время, в свою очередь, может узнать что-то от нас» (6, 90).

В том же 1989 г. Бродский написал стихотворение «Примечания папоротника» и его английский автоперевод «North of Delphi». Эпиграфом стали вышеупомянутые строки Хухеля. В шестой строфе «Примечаний папоротника», отталкиваясь от реминисцентного хухелевского образа, Бродский развивает магистральную для своего творчества тему старения и неизбежного перехода вещей «просто к небытию» (4, 71—72)⁸.

В четвертый раз русский поэт обратился к тем же строкам Хухеля в январе 1994 г. в небольшом эссе, предваряющем подборку из переводов стихов Хухеля на английский язык для журнала «Wilson Quarterly»⁹. Переводы были сделаны Дж. Спектором (Joel

Spector), бывшим слушателем семинаров Бродского. В интервью Б. Файт (Birgit Veit) он сказал, что его «бывший студент занят теперь тем, что в довольно большом объеме переводит Хухеля» и все присылает Бродскому¹⁰. Этот бывший студент — Спектор, в то время работавший над переводом последней книги стихов Хухеля «Час девятый» («Die neunte Stunde»).

Свое предисловие к подборке Хухеля Бродский начинает с рассуждения о том, что немецкая история сделала всё, чтобы принизить значение немецкой поэзии. Имена вождей Третьего рейха более на слуху, чем имена немецких поэтов: Эльзы Ласкер-Шюллер, Готфрида Бенна, Гюнтера Айха, Карла Кролова, Ингеборг Бахман и Петера Хухеля. Затем следует замечание, отсылающее к хухелевскому эпиграфу о пыли, которая не улеглась и вряд ли когда-нибудь уляжется. Бродский цитирует две строки Хухеля и воспроизводит его биографию. Упомянутые им детали свидетельствуют о знании многих обстоятельств судьбы поэта.

Вместе с тем Бродский не всегда точен. По его версии, Хухель после окончания войны перебежал к русским, в то время как он попал в плен, пробираясь, переодевшись в штатское, домой. Хухеля отпустили, предложив ему работу на радио. Русским не был известен цикл его антивоенных стихов «Двенадцать ночей», но они знали, что в лагере для военнопленных Хухель занимался культурно-просветительской работой, был знаком с русской и советской литературой, знал и любил Маяковского.

Откуда эти ошибки? Бродский в эссе воспроизводит сложившиеся к тому времени мифы о Хухеле — с ними (как и с фактами) его мог познакомить Спектор¹¹. Кое-что Бродский добавил от себя, например, легенду о том, как Хухель, сидя в окопе, то и дело что-то записывал в блокнот. Между тем еще в юности (1920) во время путча Каппа Хухель был тяжело ранен и находиться на передовой не мог. Во время Второй мировой войны он служил в противовоздушной обороне, высчитывая расстояние между самолетами и зенитными установками. Незадолго до окончания войны Хухеля едва не расстреляли, заподозрив в том, что он сознательно делал неверные расчеты, заставляя орудия бить мимо цели.

В эссе Бродский вторит рецензентам и критикам Хухеля: «Как сказал один внимательный критик немецкого поэта, Хухель начал с гимнов и закончил псалмами» (здесь и далее перевод эссе наш. — Т. Г., Г. К.). В то же время он полемизирует с теми, кто склонен рассматривать поэзию Хухеля в контексте пейзажной лирики: «Хухель не столько описывает ландшафты, сколько вычитывает из них, что было написано на “земных вещах” пером более жестким и бесстрастным, нежели перо поэта»¹². В рассуждениях о немецком поэте Бродский во многом опирается на образность, разработан-

ную им в навеянных Хухелем «Примечаниях папоротника» (ср. образ скрипящего пера и др.).

Бродскому близка анонимность творческой биографии Хухеля: «По масштабам своего времени и места жизнь этого поэта была скорее бессобытийной. Его поэзия мало указывает на внешние обстоятельства его жизни. Дух человека всегда сложнее, чем его реальность, и поэт, по-видимому, посчитал, что не стоит использовать такую общую биографию» (Там же). Достаточно вспомнить «пиетет» Бродского перед «общей» биографией Р. Фроста и небогатой событиями судьбой К. Кавафиса, не публиковавшего стихов при жизни. Эссе Бродского о Хухеле заканчивается словами: «Как можно писать стихи после Освенцима? — спросил Теодор Адорно. Очевидно, поэт, пишущий по-немецки, должен дать на это ответ»¹³. Здесь Бродский перифразирует собственную мысль, изложенную в Нобелевской лекции: «“Как можно сочинять музыку после Аушвица?” — вопрошает Адорно, и человек, знакомый с русской историей, может повторить тот же вопрос, заменив в нем название лагеря, — повторить его, пожалуй, с большим даже правом, ибо количество людей, сгинувших в сталинских лагерях, далеко превосходит количество сгинувших в немецких. <...> Поколение, к которому я принадлежу, во всяком случае, оказалось способным сочинить эту музыку» (6, 51—52). Так проводится параллель между этико-поэтологическими вопросами, стоявшими перед Хухелем в Германии и поколением самого Бродского в России.

В подборку Хухеля, сделанную Бродским, вошли 14 стихотворений: подавляющее большинство (11) из сборника «Час девятый» (1979), два из предпоследней книги стихов «Считанные дни» («Gezählte Tage», 1972) и одно из сборника «Шоссе шоссе» («Chausseen Chausseen», 1963). Подборка открывается стихотворением «Ангелы» («Die Engel»), строки из которого («Помни обо мне — шепчет пыль») Бродский так часто цитировал в своих работах и выступлениях¹⁴. Весьма показательно обилие стихотворений, имеющих древнегреческий сюжет: «Аристей I» («Aristeas I»), «Аристей II» («Aristeas II»), «Могила Одиссея» («Das Grab des Odysseus»), «Мельпомена» («Melpomene»), «Элегия» («Elegie»), «Под созвездием Геркулеса» («Unter dem Sternbild des Herkules»). Шесть из четырнадцати, т.е. почти половина отобранных для публикации стихов, связаны с древнегреческой мифологией, хотя у Хухеля греческая тема количественно и качественно не выделяется из других древних мифологических комплексов (ветхозаветный, китайский, кельтский). В таком смещении тематических акцентов сказался, по-видимому, интерес к античности самого Бродского.

Герои хухелевского стихотворения «Могила Одиссея» Телемак и Одиссей уже были предметом поэтической рефлексии у Бродского (ср. стихотворение «Одиссей Телемаку»). Дополнительным стимулом для включения «Могила Одиссея» в подборку могло послужить то, что в стихотворении варьируются полюбившиеся Бродскому строки про пыль: «Все мое — сказала пыль». Кроме того, в стихотворении Хухеля упоминаются гомеровские списки кораблей, возможно вызвавшие у русского поэта ассоциации с «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» О. Мандельштама¹⁵. К тому же во второй строфе «Могила Одиссея» описывается нисхождение в подземный мир, составляющее основу сюжета стихотворения Рильке «Орфей. Эвридика. Гермес». Его Бродский подверг тщательному анализу в эссе «Девяносто лет спустя» (6, 317—361).

Стихотворение «Элегия» могло привлечь Бродского не только греческим подтекстом (Гомер), но и жанром: элегия — его излюбленный лирический жанр. В предисловии к подборке Бродский назвал Хухеля «самым суровым и элегическим голосом немецкой поэзии своего времени»¹⁶. Средствами модернистской поэтики Хухель возродил древнюю риторику скорбных плачей. Ему удалось сохранить формально-смысловую строгость высказывания, не умаляя трагического пафоса. Именно эта особенность поэзии Хухеля нашла воплощение в «Элегии».

Что касается «Мельпомены», то обратим внимание на то, что в марте 1994 г. (спустя три месяца после публикации подборки) Бродский написал стихотворение «Храм Мельпомены». Формально-содержательного сходства между текстами нет, но актуализация мифа о Мельпомене в сознании Бродского произошла, по-видимому, не без участия Хухеля. Заметим, что действие хухелевской «Мельпомены» происходит среди скифских степей и курганов.

Интерес к текстам, в которых присутствует историко-мифологический Север, наблюдается и в других произведениях Хухеля, отобранных Бродским. Так, на периферии сюжета в стихотворении «Под созвездием Геркулеса» обнаруживается «скифская» тема. В стихотворной двойчатке «Аристей» Бродского скорее всего привлек не только античный подтекст, но и «Овидиев» мотив изгнания (захолустный порт с выходом в «киммерийские степи» — очередная геоисторическая метонимия России). Бродский нередко прибегал к подобного рода описаниям¹⁷. Герой обоих стихотворений — поэт Аристей, спутник Аполлона — согласно скифско-греческому мифу, изложенному Геродотом, отправляется на поиск страны гипербореев. Образ Аристеев был известен Бродскому: в эссе о Рильке «Девяносто лет спустя» он упоминает Аристеев, излагая историю смерти Эвридики (6, 347).

В основе стихотворения «Энкиду» («Der Holunder öffnet die Monde...»), открывающего последнюю книгу Хухеля, лежит древне-месопотамский сюжет о Гильгамеше и Энкиду — тема, Бродскому знакомая. Список произведений для внеклассного чтения, который Бродский предлагал американским студентам, открывался эпосом о Гильгамеше. Кроме того, в 1987 г. он перевел на английский язык по подстрочнику шумерский «Диалог о пессимизме» (4, 336—339).

Для публикации Бродский отобрал и стихотворение «Час девятый», давшее название последнему сборнику Хухеля. Оно отсылает к самому скорбному месту евангельского повествования: «В девятом часу возопил Иисус громким голосом: “Элои, Элои! Ламма савахфани?” — что значит: “Боже Мой, Боже мой! Для чего ты меня оставил?”» (Мр. 15; 34). По Бродскому, именно присутствие христианских мотивов отличает Хухеля от Фроста: «Между ними и вправду довольно много общего, хотя в отличие от Фроста, у которого природа отражает негативный потенциал человека, Хухель, произведения которого пропитаны мощнейшим христианским этосом, смотрит на природу как на святое таинство»¹⁸. Немецкий поэт показался Бродскому «христианским», потому что в его поздних стихах, составивших подборку, действительно преобладают библейские образы. Яркий пример тому — стихотворение «Час девятый», в котором нашли воплощение главные особенности поэтического мира Хухеля.

Подборка была бы не такой представительной, если бы Бродский не включил в нее произведения о родных местах Хухеля — бранденбургских ландшафтах — главном объекте поэтической рефлексии и источнике образности немецкого поэта. Эту линию в творчестве Хухеля представляют отобранные Бродским «Бранденбург», пейзажно-бытовые зарисовки которого могли напомнить опальному поэту его ссылку в Норенскую, и «Зимний вид из окна» («Der Blick aus dem Winterfenster»). Знаменательно, что Бродский, как и в случае с «Зимним утром в Ирландии», предпочел стихи, в которых дан зимний пейзаж. Между тем любимое время года Хухеля — лето, ставшее приметой большинства его стихотворений. Русский поэт оставался апологетом зимы (последнее «пейзажное» стихотворение Бродского — «Метель в Массачусетсе»), что определило его интерес к «зимним» стихам Хухеля.

Выбор стихотворения «Амонит» был, вероятно, обусловлен, с одной стороны, желанием представить ветхозаветную тему, занимающую центральное место в творчестве позднего Хухеля. С другой стороны, нельзя исключать знакомство Бродского (через Спектора) с комментариями к этому стихотворению исследователя и издателя полного собрания сочинений П. Хухеля — А. Фиррегга¹⁹.

По мнению исследователя, опирающегося на высказывания самого Хухеля, стихотворение «Амонит» иносказательно перерабатывает освенцимскую трагедию²⁰.

Судя по всему, к моменту публикации Спектор перевел ранние стихи Хухеля отрывочно и еще не закончил работу над второй частью «Часа девятого». Это объясняет, почему Бродский не включил в составленный им перечень стихи Хухеля, место действия которых — Италия, в том числе любимые русским поэтом Венеция и Рим.

Готовя подборку произведений Хухеля, Бродский достаточно полно представил немецкого поэта англоязычному читателю. В позднем творчестве Хухеля ландшафтные и бытовые образы получают фольклорно-мифологическое обрамление: древние легенды и сказания становятся сюжетной основой пейзажных зарисовок. Уловив эту тенденцию, Бродский постарался передать ее в отобранных стихотворениях. При этом выбор делался в пользу стихов, отвечавших образно-тематическим пристрастиям самого Бродского.

В заключение хотелось бы привести еще один контекст, связанный с Хухелем. В интервью С. Биркертсу Бродский назвал его в числе пяти поэтов, о которых он думает, когда пишет стихи²¹. Бродский не только познакомил с Петером Хухелем американскую публику, но и косвенно обратил на него внимание своего главного — русского — читателя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Петер Хухель. Ангелы (Перевод Г. Киршбаума)

Дымом
поднимается тень
и бродит по дому,
где старуха,
с гусиным крылом в слабой руке,
сметает золу с печи.
Горит огонь.
Помни обо мне,
шепчет пыль.

Ноябрьские туманы,
дожди, дожди
и кошачий сон.
Черно и слякотно

над рекой небо.
 Из зияющей пустоты истекает время
 и течет по жабрам
 и плавникам рыб,
 по ледяным глазам ангелов,
 они спускаются
 сквозь тонкие сумерки
 взмахами копоти к дочерям Каина.

ДЫМОМ
 поднимается тень
 и бродит по дому.
 Горит огонь.
 Помни обо мне,
 шепчет прах²².

¹ *Helbig H. Fußnoten zu einem Farn. Zu Joseph Brodskys Umgang mit zwei Versen von Peter Huchel // Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft. Stuttgart, 2003. S. 376—404.*

² См. эссе «Об одном стихотворении» (5, 142—187) и «Примечания к комментарию» (7, 179—202).

³ Мемуары В. Булгакова Хухель опубликовал в журнале «Sinn und Form» (1957. № 6; 1958. № 2).

⁴ *Twentieth-Century German Verse. Introduced and ed. by Patrick Bridgewater. With Plan Prose Transl. of Each Poem. [Harmondsworth, 1968]. (The Penguin poets. D 68).*

⁵ *Penguin modern poets 14: Alan Brownjohn. Michael Hamburger. Charles Tomlinson. [Harmondsworth, 1969].*

⁶ *Бродский: кн. интервью / Сост. В. Полухина. 3-е изд., расш. и испр. М., 2005. С. 74.*

⁷ Впоследствии обнаружилось, что сын Хухеля, ориенталист Штефан Хухель, тайно выпил ее большую часть. Это навлекло на него гнев отца. (Сведения предоставлены Х. Д. Циммерманном (Hans Dieter Zimmermann), за что выражаем ему глубокую благодарность.)

⁸ Сравнительный анализ стихотворений Хухеля и Бродского см.: *Helbig H. Fußnoten zu einem Farn. Zu Joseph Brodskys Umgang mit zwei Versen von Peter Huchel.*

⁹ *Huchel P. Poetry. Selected and Introduced by Joseph Brodsky // Wilson Quarterly. 1994. Vol. 18, No. 1. P. 100—101.*

¹⁰ *Бродский: кн. интервью. С. 628.*

¹¹ Ср. рассуждения Хельбига: *Helbig H. Fußnoten zu einem Farn. Zu Joseph Brodskys Umgang mit zwei Versen von Peter Huchel. S. 396—398.*

¹² *Huchel P. Poetry. Selected and Introduced by Joseph Brodsky. P. 101.*

¹³ Ibid.

¹⁴ Более отдаленные параллели — ангельская тема у самого Бродского (ср. стихотворение «Ангел» и др.).

¹⁵ Сам Хухель мог знать стихотворение Мандельштама в переводе Целана. Он не раз публиковал переводы Целана из русской поэзии.

¹⁶ *Huchel P. Poetry. Selected and Introduced by Joseph Brodsky. P. 101.*

¹⁷ Ср. обзор античных представлений о скифах в начале «Письма Горацию» (6, 362).

¹⁸ *Huchel P. Poetry. Selected and Introduced by Joseph Brodsky. P. 101.*

¹⁹ *Huchel P. Gesammelte Werke. 2 Bde. Hrsg. von Axel Vieregge. Frankfurt / M., 1984. Bd. 2: Vermischte Schriften. S. 434.*

²⁰ Ср. также образ «земных вещей» в эссе Бродского о Фросте.

²¹ *Бродский: кн. интервью. С. 103.*

²² Немецкое слово «Staub», как и его английский эквивалент «dust», полисемично: в первой строфе мы перевели его как «пыль», в последней — как «прах».